

24 ИЮН 1981

Молодежь Эстонии
г. Таллин

«Молодежь Эстонии», среда, 24 июня

О Н СЫГРАЛ много ролей — на сцене театра и на экране. И гораздо больше еще сыграет. По-разному воспринимались, по-разному оценивались эти роли, но — такова уж актерская судьба, ибо имя артиста всегда ассоциируется с событием, принесшим самый большой успех — его имя мы давно связываем с высоким именем его первого киногероя — Павла Корчагина. Роль, столь многое в себе сконцентрировавшая: и резкий поворот в судьбе, и непередаваемую радость доверия, и изнурительный полуторогодичный труд, и вполне понятный страх перед будущим, и — это так закономерно — испытание «медными трубами» славы. Нужно было не просто преодолеть «хрестоматийный глянец» — нужно было в себе самом отыскать, быть может, самому себе неведомое. Нужно было сыграть Корчагина так, чтобы, убедившись в узнаваемости образа, зрители сделали для себя открытие.

Мы увидели на экране Корчагина, узнали его и все-таки поразились: насколько беспредельным может быть человеческое мужество и человеческая воля...
...А из театральной гримерной вышел вполне современный молодой человек и, вежливо улыбувшись, произнес традиционное: «Очень приятно, Владимир Конкин».

На Корчагина он и был, и не был похож.
Говоря о себе, он связал два события в своей жизни не только потому, что произошли они в один день: с полчасовой разницей во времени ему сообщили о приглашении сниматься в фильме «Как закалялась сталь» и о рождении сыновей-близнецов. Он связал их потому, что иначе не мог, да и не хо-

тел, наверное, объяснить, что же такое счастье.

— Но к вам ведь применимо байроновское «наутро проснулся знаменитым»?

— Применимо ли? Если помножить это на бесконечность вопросов, которые стояли тогда и возникают теперь, на съемки в трескучий мороз и сшибающий с ног ветер, на три километра узкоколейки, которую мы тогда построили (теперь, кстати, ее активно использует сахарный завод — и это замечательно!), если помножить на мучительное «поверят — не поверят?», на пожизненную ответственность перед этим дебютом (по нему ведь всегда будут сверять все мои работы, и сам я тоже знаю цену этой высочайшей точке отсчета), то, пожалуй, применимо.

— Вы хотите сказать, что не знаете — аванс это или расплата?

— Я хочу сказать, что не имею права на проходные роли.

— Вы сыграли более чем в десяти фильмах — все ли ваши роли были значительными?

— Нет. Но сам я никогда не позволял себе пойти на компромисс в выборе роли.

— Но, скажите, пожалуйста, вы, сыграв человека такого личностного масштаба, сыграв героя в полном и абсолютном смысле этого слова, смогли бы вы сейчас назвать роль, потенциально равную роли Корчагина, и сказать: «Я хочу ее сыграть»?

— Не смог бы. И вот почему. Нам придется поговорить подробней о Корчагине. Как вы сами понимаете, самое трудное было — преодолеть хрестоматийное понимание его личности. Наверное, поэтому режиссер Николай Мащенко внес в фильм и воспоминания Раисы Порфирь-

евны, и письма самого Островского. Мы не хотели исказить дух романа, но стремились максимально сблизить героя и автора. Все стандартные подходы развалили бы фильм, ни в коем случае нельзя было стоять на котурнах. Корчагин — человек смертный, во плоти — этим и интересен. Хотелось показать человека из массы, хотелось доказать, что каждый может стать Корчагиным. А для этого непозволительно было вырывать героя из его среды, среды, в которой он воспитывался, воевал, работал, среды, в которой находился до самой смерти. Но и заземлять его тоже было нельзя, невозможно даже. Ведь судьба у него и в самом деле исключительная, характер тоже, данный не каждому: слепой, парализованный — вспомните, вдумайтесь! — он оставался активной личностью. Активной! Это, ко-

ТОЧКА ОТСЧЕТА — МНОГОТОЧИЕ

НАШ СОБЕСЕДНИК —
лауреат премии Ленинского комсомола
актер Владимир КОНКИН

нечно, исключительный факт. Есть ли у нашего фильма недостатки? Бесспорно. Но при всех своих недостатках он, как мне, и не только мне, кажется, сохранил главное в романе — его дух.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Всего было три фильма о Корчагине. Каждый — со звуком времени, в которое снимался. В первом фильме герой сражался, воевал, во втором — строил — таковы были их акценты. Наш фильм — идеологический. Конечно, нас интересовало все в этом замечательном романе, но прежде всего — его идейность. Мы должны были задать своему зрителю вопрос: кем ты станешь, молодой человек? Доброе и высокое заложено во всех людях без исключения. Другое дело, как они в жизни своей распоряжаются этим духовным потенциалом. Конечно,

сегодня Корчагин был бы совсем другим, но главная пружина его характера все же оставалась бы прежней. В чем черпал он силы, разбитый, измученный? В духе своем. Это — духовная пружина. Она и была ту же всего завинчена в нашем фильме.

— Мы подошли, кажется, к современному герою?

— Совершенно верно. И он, герой сегодняшнего дня, многогранней. Я имею в виду не только интеллект. Он — другой в силу социальных условий, в которых живет. В этом — его сложность. Его сложность определяется отсутствием внешних эффектов. Очень сложное явление — современный герой. У Корчагина время какое было? Все нервы обнажены, но в руках — шашка, и весь он — в бою. Шарапов, другой мой герой из телесериала «Место встречи изме-

нитъ нельзя», занимался искоренением негативных явлений своего, послевоенного, времени. Шло восстановление не только хозяйства, но и человеческих душ, и у Шарашова был фронтовой опыт. Они были поставлены в те идеальные (как ни парадоксально это звучит) условия, в которых можно было проявить героическое начало. У современного героя этой возможности нет. На фоне Корчагина или Шарашова современный герой — это, если хотите, антигерой, в самом позитивном смысле этого слова. В экстремальных условиях он может проявить себя не хуже, чем они. А в буднях? Как ему быть в буднях? Он больше молчит, но делает свое дело. Возьмем Потапова из «Премии». Он герой? Нет, он совсем негероичен. Вот видите — антигерой в хорошем смысле. Но какой положительный заряд

он несет в себе. Прошло время, когда частица «анти» понималась буквально. Сейчас антигерой — это новый социальный тип. Человек, который без бравурных штампов, без трескучих монологов (наше время полностью отвергает их) делает свое дело. И делает его честно. Вот такой человек меня интересует.

— Вы знаете в современной драматургии такого героя?

— Такого, какого мог бы сыграть я? Увы... Быть может, он еще и не вышел из-под пера драматурга. Но он есть, я это точно знаю.

— И ощущая тот внутренний ритм, ту высоту, которую задавал вам Корчагин...

— ...Если бы вы знали, как сильно, ощущая это, я понимаю, что диссонанс сейчас просто невозможен.

— Но вы знаете режиссеров, чье творчество созвучно вашим интересам?

— Да, знаю. Я хотел бы сняться у Тарковского, у Никиты Михалкова. Я разделяю их социальное видение жизни. Те проблемы, которые волнуют их, волнуют и меня. Я так хорошо понимаю людей, которые стали героями их картин. Ведь Корчагин с его обостренным чувством совести воспитал и меня.

— Вы говорите о том, что дала вам эта работа. Но только ли дала?

— Я понимаю. Понимаю... Трудно, наверное, рассказать о той опустошенности, что наступила после того, как фильм был готов. Эта работа вымотала и чисто физически, — просто не было сил. Но зато появилось непреодолимое стремление все осмыслить — наедине с собой. Что это был за акт?

Творческий? Не только. Это был жизненный акт. Нужно было о многом подумать, многое для себя решить. Вот почему паузы в киноработе я не считаю непродуктивной.

— Но вас ведь никто не упрекает в том, что вы ничего не сделали.

— Да я бы и не поверил в это. Актер не имеет права на точки. В нашем творчестве должны быть постоянные многоточия. Внимание к людям, с которыми ты работаешь, — разве это не активная жизнь в искусстве? Сколько дала мне работа рядом с таким божественно одаренным (и другого определения здесь быть не может) человеком, как Владимир Высоцкий. И это тоже — из процесса накопления, жизненно важного для меня процесса. Ведь несмотря на довольно большой опыт работы в кино, я считаю, что все это только начало. Когда-нибудь я сыграю...

— Что?

— Пока не знаю. Но это должна быть такая судьба, в которой угадывались бы и я, и вы, и тот мальчик, который, взгляните, так радостно ест мороженое... Я уже сказал, может, она не написана еще вовсе. А, может, просто мне не предлагали ее сыграть? Но идет напряженная внутренняя работа. Ей необходим выход.

— Но вы же играете на сцене — в театре имени Ермоловой.

— Да, я театральный актер. И театр для меня та отдушина, которая позволяет «паровозу не взорваться».

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.

Фото Файви КЛЮЧИКА.